

Хорошо быть стариком!

— Виктор Сергеевич, с какими чувствами, мыслями встречаете вы юбилей Победы?

— Это великий, достойный подвиг в основном, конечно, русского народа. Хотя, бесспорно, надо отдать дань и честь всем народам Советского Союза, которые принимали участие в Великой Отечественной войне. Все народы!

Был Советский Союз когда-то, и национальность не играла никакой серьезной роли во взаимоотношениях между людьми, все были едины. В момент броска немцев на Москву наша полковая батарея по мере сил пыталась защищаться и была смелой паразитически мощной, железной армией немецкой. В батарее были разные национальности. И никогда никого не интересовало, кто какой.

Это дикость, что разделили страну по национальному признаку, сделали не губернии, как было в России, а республики. Глупая, нелепая идея, возникшая в 20-м году, взорвалась, как бомба замедленного действия, в 91-м.

— Судя по всему, вас очень волнует это?

— Очень волнует! Деление по национальностям у меня вызывает отвращение. Мне все равно, что француз, что китаец, англичанин, русский, татарин, еврей. Есть плохие люди и есть хорошие. Среди всех национальностей мы найдем подлецов, убийц и найдем хороших, умных и даже великих людей.

Дробление Советского Союза — для меня большая внутренняя драма. Сам не понимаю: казалось бы, какое мне дело? Живу я в Москве, в приличной квартире. Не все ли мне равно, что там? Нет!

Какое-то чувство омерзения вызывает деление на республики и обострившиеся межнациональные отношения. Одна Чечня чего стоит!

— Видимо, юбилей Победы вы встречаете с тяжелыми чувствами?

— Я человек довольно уравновешенный, но не могу не переживать людские страдания. И если вижу кадры: лежат трупы русских или чеченцев, таджиков или афганцев, — я не могу не сопереживать. Не могу! И все это проклятое деление на самостоятельные государства. Никогда они не будут самостоятельными, медленно помрут!..

— Виктор Сергеевич, как влияет война на душу? Чечня, Афганистан — те же войны, только морально более тяжелые?

— Морально — да. Особенно тяжело и постыдно, когда свои против своих воюют. С чеченской войны вернулись люди, которых надо психически лечить. В газете снимок был: бывший «чеченец» вооружен автоматом и топором. Он уже отслужил, но психология его так изуродована, что он склонен к насилию и безжалостности.

На войне нельзя быть гуманистом. На тебя наводят автомат, а ты говоришь: «Знаете, лучше жить мирно...»? Анекдот! У меня в пьесе «Вечно живые», которая давным-давно шла в «Современнике»...

— А широкому зрителю всех поколений известна как замечательный фильм «Летят журавли»?

— ...есть фраза, которая тогда прочувствована, и я очень рад, что угадал: «Война калечит людей не только физически, она разрушает внутренний мир человека». Как я тогда это чувствовал? Сам удивляюсь.

Опыта у меня большого не было. Я ранен был довольно скоро, долго в госпитале лежал. Но понял: война и внутренне может убить. И часто убивает.

Если бы вы знали, что творилось во время войны в Москве!

— Что?

— Когда война все разгоралась и разгоралась, Москва наполнилась инвалидами. Кто без руки, кто без ноги, кто без двух ног на каталке, кто слепой с палкой. Наводнена была! И здоровый народ, но тоже тяжело живший, нуждающийся, стоящий в длинных очередях за каким-нибудь куском масла, роптал. И называл их знаете как? Недобитые! «Надоели эти недобитые!»

— Аналогия с теперешним временем жуткая!

— Я вам рассказываю, как было.

Что ж тут говорить! Кто может спеть арию в честь войны? В честь победы над злом можно петь песни. Мы пели.

Как будет отмечаться 50-летие Победы, я не знаю. Вроде бы медалями награждают участников войны. Но говорят, что на одной стороне медали — двуглавый орел. И ветераны отказываются брать такую медаль, потому что воевали не под двуглавым орлом. Под двуглавым орлом воевали в Русско-Японскую войну, в первую мировую...

— Все-таки нужно уважать время?

— Ну, что сделать, если кругом нами заведуют люди неумные, мягко выражаясь?! Погрузили страну в странное состояние бедствия, при котором одна часть населения хорошо устроилась преимущественно не трудом своим, а хитрым и ловким умишком.

— Несколько лет назад вы приветствовали перестройку.

— Да! Страна была плохо устроена для человека. Безвинного могли осудить, думающего по-другому — посадить в психушку. Продуктов в магазинах не было никаких. И я привет-

ствовал перестройку: наконец-то исчезнет страх, наконец-то займется устройством жизни людей собственной страны, которые ее своими руками делали века. Займется человеком, чтоб ему жилось лучше.

Сейчас отмечают десять лет перестройки. Но перестройки было только пять лет — до 90 года. После 91-го — реставрация капитализма. Вот ее-то я не приветствую никак!

— Вернемся к военной теме. Помню, вы рассказывали, как возвращались из госпиталя.

— Я лежал там девять месяцев, в гипсе.

— Очень тяжелое ранение?

— Тяжелое. Сейчас оно сказывается. Очевидно, кости сместились еще больше, осколков осталось много. Они не мешают, потому что в мягких тканях сидят. Но очень больно ходить стало.

Чем дальше, в жизнь, тем больше пенишь ветеранов. И когда в апреле Виктор Сергеевич РОЗОВ согласился на интервью, я по-настоящему обрадовалась возможности поговорить с ним. Думаю, многим нашим читателям симпатичны его интеллигентность, склад ума, стойкость, талант.

— И вы ехали домой на теплоходе.

— В каюте лежала пайка хлеба. Протянулась женская рука, схватила ее. Я на костылях был, поэтому не мог быстро встать, но все же из окна высунулся и вижу: молодая женщина, как птица, летит по палубе, в руке у нее моя пайка хлеба. И я подумал: «Ну, милая, беги, беги! Тебе, наверное, нужнее. Я инвалид войны, мне завтра пайку новую дадут».

— Значит, у вас не ожесточилась душа?

— Нет.

— С чем это связано?

— С моей биологией, природной конструкцией, воспитанием.

— А у ваших друзей было ожесточение?

— Нет, я не встречал. Может, потому, что я всегда встречался в интеллигентном кругу, цивилизованном.

— А может, и потому, что та война — праведная?

— Ну, об этом даже говорить нечего!

— Хотя и там слом шел мощный?

— Мощный слом! Но, конечно, сравнить с чеченской войной поганой... Поганая война, она затеяна людьми безжалостными, недалекого ума. Нет слов, насколько она чудовищна! Даже сравнивать нельзя. Эта война несправедливая.

— Вы говорите, что надломленными вернутся оттуда воины. Но и все молодое поколение сейчас надломлено?

— За все поколение сказать не могу. Я тут месяца три назад выступал в одной школе на Красной Пресне. Старшеклассники сидели — прекрасные ребята! Сужу по вопросам, по тому, что через сорок пять минут, когда урок кончился, они не убежали, и мы побеседовали полтора часа.

— Говорили о войне?

— В том числе и о ней. О духовных ценностях: что есть человек? Есть ли он скотина, которой важно только насытить тело, брюхо или что-то у него есть более высокое?

— И как они отвечали?

— Очень хорошо! Даже прислали мне массу записок. Я их храню. Им эта встреча показалась интересной.

— Я не сомневаюсь! Как идет расслоение общества в целом, так идет и расслоение молодежи?

— Ну, она всегда была разная. И везде: и в Австрии, и в Голландии.

— Вы любите молодежь?

— Люблю, когда зрительный зал полон ею. Я хожу сейчас в театры довольно много. И смотрю, какая публика.

— Если молодежь, то что?

— Приятно. А когда старики сидят вроде меня, думаю: «Ой, Господи Боже мой!»

— Договаривайте, договаривайте!.. Почему такое те-

плое отношение к молодым?

— Это — жизнь. А дальше — увядание. Ну, как цветы. Весной хорошо, а потом они вянут, желтеют, облетают листья.

— Зато появляются семена и новые цветы. В каждом возрасте есть своя прелесть.

— Конечно, конечно! Я в Боткинской больнице лежал, иду по коридору, со мной медсестра. Я так громко говорю: «Ой, хорошо быть старику!»

Она остановилась: «Первый раз слышу!»

— Вы шутили?

— Нет, на самом деле.

— А что хорошего?

— Покой. Бояться больше нечего. С возрастом знаешь, что на самом деле — ценности, а что можно пропустить и не обратить внимания.

— Вы по-прежнему любите марки?

— Вчера ездил искал одну. И я ее нашел! Но вам это не понять...

— Абсолютно! Однако ваши глаза сияют.

— Это приятный поиск.

— Марки успокаивают?

— Даже больше. В сорок шесть лет у меня был первый инфаркт. И наслоиась вторая болезнь — потеря интереса к жизни. Есть такое русское проклятие: «Чтоб тебе пусто было!» Это самое страшное.

Мне было пусто. И меня не интересовало ничто. Доктор говорит: «Может, книжку почитать?» Не хочу никакой книжки! «Ну, пусть друзья придут!» Никого не хочу видеть! Ни-че-го!

И приходит мой сосед, теперь покойный, и говорит: «Виктор Сергеевич, я знаю, вы в детстве марочки собирали. Не хотите ли купить альбомчик маленький?»

Протянул мне альбом и раскрыл на какой-то странице. Я заинтересовался. И пошло на поправку!

— Такой случай — единственный?

— Нет. Были мы с женой в Kislovodsk. Я тогда уже стал богатым человеком, у меня шли пьесы, получал хорошие авторские гонорары. Жена — артистка, мы несколько лет, как поженились, да я еще ухаживал за ней до того десяти лет. Она в Kislovodsk на гастролях, и я там же. Все замечательно!

И вдруг мне сделалось пусто. Ничегошеньки не интересно: ни Кавказ, ни жена, ни друзья. Надя беспокоится: «Может, куда пойдешь?» — «Если можно, не надо!»

Приходят друзья. Вяло разговариваю с ними, думаю, ушли бы скорее.

И тут Надя говорит: «Рихтер приехал, будет концерт». А я Рихтера очень люблю. Пошли. Погодка неважная, моросит дождь. Поднимаемся в гору по какой-то тропинке. Концерт на открытой эстраде. Скамейки чуть сырвааты. Газеты подстелили, сели.

Выходит Рихтер своей нервной походкой. Кланяется. Садится за рояль. Пододвигает стул. Поднимает руки, бац по клавишам! Ай! Из меня вся пустота вылетела в мгновение! С горы я уже бежал веселый, хохотал. Вечером друзья пришли. Вот какие дела...

— Похоже, сейчас многим людям пусто. Даже жизнью не дорожат.

— Я заметил. Я чаще езжу на машине с сыном, потому что ноги не ходят. И смотрю, люди переходят улицу, почти не глядя, идут машины или нет. С ощущением таким: ну, задавит, ну, и пусть меня задавит. Приметы времени.

— И как это «пусто» убрать? Чем?

— Должен быть интерес. А когда у государства нет никакой государственной идеи, даже мифической, жизнь становится бессмысленной.

— Прежние ценности уже невозвратимы?

— Они вернутся. Это вечные ценности — доброта, отзывчивость, скромность... Я не перечисляю христианские заповеди, а говорю об элементарных человеческих чувствах.

Кончится все, что есть сейчас. Вечная структура русского характера такова: ей не свойственны те ценности, которые называются буржуазными. Нашему человеку, в отличие от человека с душой буржуазной, свойственно иметь не богатство, а достаток.

Есть у него достаток. Ему говорят: «Вася, там можно поработать три часа и триста тысяч получить». И Вася отвечает: «Да не надо, у меня достаток. Я сговорился с приятелем рыбу удить. В то воскресенье пойдём за грибами. Нет, не надо».

А сейчас — хищничество. У тебя миллион. А почему не пять? Не двадцать пять?

— Думаете, это остановится?

— Да! Каким способом, не знаю, я не политик. Только бы не было кровавого переворота...

— Из ваших пьес какие сейчас играют?

— В Москве ничего не идет. Я об этом особенно не жалею. Все проходит.

— Часто слышны жалобы, что падает интерес к искусству, народ сосредоточился на проблемах...

— ...выживания! Но оживание есть. Люди ищут места, где можно жить не той жизнью, которой они живут все 24 часа в сутки — в судорогах, в поисках заработка, в заботах и так далее. Хотя три часа они посидят в театре, побудут в другом мире.

— Хорошо ли уходить в такой выдуманный мир?

— Обязательно надо! Так же, как и читать книги — уходить в гости к Анне Карениной или Дмитрию и Алеше Карамазовым. Особенно надо уходить к книгам и там черпать духовные силы.

Беседовала Наталия ГОЛДОВСКАЯ

Розов Виктор Сергеевич.

11/4 (май). 95г.